

ТОПИ БОЛОТНОГО ЦАРЯ

КОНЮШЕНКО ЭГОР

18+

Егор Конюшенко Тоги Болотного Царя

<https://litres.ru/74124059>

SelfPub; 2026

Аннотация

Блогерша, приехавшая за страшилками в умирающий город, узнаёт, что за местные грехи платят не деньгами, а жизнью — и платёж взыскивает сама трясина. Кто на самом деле вершит этот суд: древний дух, вода или обычные старухи, знающие тайные обряды?

Содержание

Глава 1. Дорога на дно	4
Глава 2. Слепые окна	14
Глава 3. Власть без лица	29
Глава 4. Гость в темноте	41
Глава 5. Плата по счету	57
Глава 6. Голос из ниоткуда	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Топи Болотного Царя

Глава 1. Дорога на дно

Письмо пришло во вторник, в самый паршивый час — между тремя и четырьмя пополудни, когда московское солнце уже не грело, а только раздражало глаз мутной белизной сквозь невымытые стёкла. Арина Ветрова сидела в одних трусах и старой футболке с логотипом «Кино», поджав ноги к подбородку на продавленном диване из ИКЕА, и гипнотизировала взглядом ноутбук. На экране светилась панель управления YouTube-каналом «ARINA MORS». Цифры просмотров за последний выпуск про заброшенный пансионат в Крыму замерли на отметке 18 342. Для девочки, снимающей видеосериал ради лайков в инстаграме, это был бы успех. Для Арины, которая три года кормилась с рекламных интеграций и краудфандинга, это был приговор. График «Охват» полз вниз, как ртутный столбик в термометре, засасываемый невидимой трясинной.

Холод из плохо заделанной щели в пластиковом окне струился по полу, целовал босые ступни. Соседи сверху методично, с каким-то садистским постоянством, двигали по ламинату то ли стул, то ли гроб на колёсиках. Арина почесала переносицу, на которой остался красный след от очков виртуальной реальности (вчера допоздна резала материал в

360-градусном формате, надеясь на хайп), и открыла вкладку «Сообщения».

Там было всё как обычно: «Привет, крошка, хочешь сняться у меня в гараже?», «Купим рекламу бетона», «Почему ты не улыбаешься в кадре, дура?». Но одно письмо выделялось темой: «Вы ищете страшное? Я покажу, где оно живёт. Топь-Озёрск».

Арина кликнула. Она всегда кликала на такое. Не из любопытства, а из профессиональной жадности акулы, почуявшей каплю крови в толще воды.

Текст был написан ровным, почти каллиграфическим шрифтом, без смайликов и лишних пробелов — так пишут либо старые учительницы, либо очень дисциплинированные сумасшедшие.

«Здравствуйте, Арина. Меня зовут Евгения. Я смотрю ваш канал с самого первого выпуска про подвал на Таганке. Вы единственная, кто не орёт в камеру дурным голосом, а слушает тишину. Поэтому я решила написать. В нашем городе, Топь-Озёрске, есть легенда о Болотном Царе. Это не сказка для туристов. Он приходит к тем, кто берёт чужое — деньги, землю, детство. И возвращает долг с процентами. Месяц назад пропал наш мэр. Нашли только его ботинки на болоте, набитые старыми деньгами. Милиция молчит, город шепчется. Я знаю, кто за этим стоит, но боюсь сказать вслух. Приезжайте. Покажите правду. Иначе болото сожрёт нас всех. Билеты на поезд ещё продают, но скоро перестанут.

Станция «16-й разъезд». Код 202117».

Арина перечитала письмо дважды. В висках заломило. Это был идеальный «крючок». Не размытая легенда про «чёрного-чёрного человека в чёрном-чёрном лесу», а конкретная фабула: пропавший коррупционер, ритуальная обувь с купюрами, город-призрак, живущий по законам триллера «Топпи».

Она свернула письмо и открыла вкладку «Яндекс.Карты». Топь-Озёрск нашёлся не сразу. Пришлось приближать Карелию до масштаба 1:200 000, пока среди сине-зелёных пятен озёр и серых линий вырубок не проступила крошечная точка с названием, напечатанным самым мелким, словно стыдящимся себя шрифтом. Рядом, в пяти километрах, виднелась нитка железной дороги и значок станции «16-й разъезд». Никаких фотографий места, никаких отзывов на «Яндекс.Отзывах». Пустота. Цифровая смерть.

— Спонсор мечтает о «реалити-шоу с экстримом», а тут готовый сценарий для сериала, — пробормотала Арина в пустоту комнаты, пододвигая к себе холодную кружку с остатками вчерашнего кофе.

На дне кружки, словно крошечный утопленник, покоилась дохлая мошка. Арина выловила её ногтем, вытерла о край джинсов (которые валялись рядом) и сделала глоток. Кофе был горьким, с привкусом металла и табака.

Решение пришло само, украдкой. Просто через двадцать минут на экране уже светился сайт РЖД с купленным элек-

тронным билетом до станции с невразумительным названием, а на полу комнаты была раскрыта спортивная сумка «Adidas» десятилетней давности, лоснящаяся от старости. Арина методично, как робот, запихивала туда вещи: две пары термобелья (шерсть, чтоб не чесалось), свитер грубой вязки, купленный на барахолке в Мурманске два года назад, непромокаемые штаны для рыбалки, налобный фонарь, пауэрбанк на двадцать тысяч миллиампер-часов и основной объектив «Canon 24-70mm f/2.8». Камеру «Sony A7S III» она, не доверяя багажу, положила в рюкзак, с которым не расставалась никогда. В боковой карман рюкзака лёг газовый баллончик «Перец-4» и раскладной нож с фиксатором — подарок бывшего оператора Влада, который когда-то сказал: «На болотах, Морс, люди опаснее зверей».

Уже застёгивая молнию на сумке, Арина поймала себя на мысли, что впервые за последние полгода не чувствует апатии. Она чувствовала холод. Тот самый, который бывает только в предвкушении настоящей работы, а не суррогата для лайков.

Ленинградский вокзал в среду утром пах хлоркой, мокрым асфальтом и пирожками с ливером, которые пекли в буфете на втором этаже уже, кажется, полвека. Арина прошла сквозь рамку металлодетектора, кивнув сонному охраннику, и сразу нырнула в поток людей, катящих чемоданы к платформам дальнего следования. Она специально оделась просто: чёрная водолазка, джинсы, грубые ботинки «Caterpillar»

на толстой подошве и серая бесформенная шапка, скрывававшая небрежный пучок тёмно-русых волос. Ей не нужны были взгляды. Ей нужно было раствориться, стать фоном, чтобы впитывать детали.

Поезд № 092А «Москва — Мурманск» уже стоял у первой платформы, тяжело дыша тепловозом в промозглый воздух. Арина нашла свой вагон — старый плацкарт с синими, выцветшими от стирок занавесками и облупившимся пластиком поручней. Проводница, дородная женщина в синей форме с эмблемой РЖД на груди, проверила паспорт, хмыкнула, глядя на конечную станцию в билете.

— До «Шестнадцатого» только ты одна, — сказала она безразличным голосом, словно констатировала факт погоды. — Там перрон даже не чистят. Смотри, выходи аккуратнее. Бельё возьмёшь?

— Нет, спасибо, — Арина мотнула головой.

В вагоне пахло специфическим запахом железной дороги: угольной гарью, старым сукном, запахом далёкого Севера и сладковатым ароматизатором из туалета в конце коридора. Арина заняла нижнюю боковую полку. Напротив, на верхней, уже спал, отвернувшись к стене, мужчина в спортивном костюме с лампасами. Больше в отсеке никого не было. Соседние купе гудели голосами: где-то бабка наставляла внучку, где-то мужики уже стучали костяшками домино по столу.

Поезд тронулся плавно, почти без толчка. За окном по-

плыли задворки Москвы: серые пакгаузы, ржавые фермы мостов, граффити на бетонных заборах и одинокие фигуры железнодорожников в оранжевых жилетах. Арина достала наушники, но музыку включать не стала. Ей нужен был шум колёс. Этот мерный стук «та-да-дам, та-да-дам» всегда настраивал её мысли на нужный ритм расследования.

Она откинула столик, достала блокнот в кожаной обложке (подарок подписчиков) и начала писать шариковой ручкой, оставлявшей на бумаге лиловые чернильные подтёки.

«Топь-Озёрск. 196 душ населения (по данным переписи 2010). Основан в 1932 году как посёлок лесозаготовителей. Градообразующее предприятие отсутствует с 1998 года. Дороги грунтовые. Сотовая связь: МТС — слабый 3G, остальные операторы — только на возвышенностях».

Она перевернула страницу и набросала схему: кружок — город, от него стрелка к прямоугольнику с надписью «Мшистое болото», и ещё одна стрелка к полукругу «Лагерь Чайка». Эту информацию она выудила из единственного упоминания в ЖЖ-сообществе «Заброшенные пионерии Карелии» десятилетней давности. С тех пор — тишина.

Поезд набирал ход. За окном потянулись дачные посёлки, мелькавшие, как кадры старой киноплёнки, а потом внезапно, словно кто-то сменил декорацию, стена елового леса встала вплотную к железнодорожному полотну. Лапы елей были мокрыми, тяжёлыми, почти касались окон. Началась Карелия.

Арина поджала ноги, обхватив колени руками, и смотрела, как за окном сгущаются сумерки. В поезде время течёт иначе — оно становится вязкой, как патока. Колёса выстукивали свой бесконечный ритм, и в этом ритме ей слышалось что-то тревожное, словно поезд увозил её не на север, а в прошлое, в ту точку на карте, где заканчивается привычная логика и начинается власть сырой земли и тёмной воды.

Ночью её разбудила тишина. Поезд стоял. Арина приподнялась на локте и глянула в окно. На улице была непроглядная, чернильная тьма, прорезаемая только тусклым фонарём на столбе, выхватывавшим из мрака кусок дощатого перрона и косой дождь. Табличка на столбе, ржавая и погнутая, гласила: «16-й разъезд».

Сердце пропустило удар. Она не ожидала, что стоянка будет ночью. По расписанию прибытие значилось в 07:14 утра. Но сейчас на электронном табло в коридоре вагона горело 03:42. Видимо, поезд нагнал отставание.

Арина быстро натянула ботинки, накинула куртку-пуховик, схватила рюкзак. Сосед на верхней полке недовольно заворочался, но не проснулся. Она пробралась к выходу, где сонная проводница уже открывала дверь тамбура, кутаясь в казённый тулуп.

— Выгружайся, дочка, — прохрипела она. — Стоянка две минуты. И смотри, платформа скользкая.

Арина спрыгнула вниз. Ноги сразу утонули в месиве из мокрого снега, хвои и грязи. Дверь за её спиной с лязгом за-

хлопнулась, и поезд, издав протяжный, почти жалобный гудок, медленно пополз дальше, уволакивая за собой островок света и тепла.

Через минуту не осталось ничего: только шум дождя по лужам, запах мокрого мха и гниющих листьев и давящая, первобытная тишина леса, подступавшего к путям со всех сторон. Фонарь на столбе жужжал, мигал, и в его неровном свете Арина увидела фигуру, стоявшую метрах в десяти, под козырьком кирпичной будки с надписью «Касса. Выход на перрон запрещён».

Мужчина был высок и сутул. Он стоял, засунув руки в карманы брезентовой куртки с поднятым воротником. Из-под кепки-пятиугольника смотрели глаза, отражавшие свет фонаря, как две тусклые стекляшки.

— Арина Ветрова? — спросил он, не двигаясь с места. Голос был низкий, сиплый, будто проржавевший от долгого молчания.

— Допустим, — ответила Арина, нащупывая в кармане баллончик. — А вы Антон? Мне сказали, что меня встретят.

— Встретили, — хмыкнул мужчина. — Я Антон Горелов. Метеостанция, сторож, местный сумасшедший — короче, всё понемногу. Вера Павловна просила подбросить. Сказала, к нам журналистка из Москвы едет за страшилками.

Он наконец отлип от стены и пошёл к ней. Двигался он странно: широкими, но бесшумными шагами, с кошачьей мягкостью, словно не касаясь земли. Свет фонаря упал на

его лицо. Оно было узким, с глубокими носогубными складками и трёхдневной щетиной. Глаза, однако, были молодыми — цепкими и внимательными.

— Машина за путями, — коротко бросил он, проходя мимо неё и направляясь к едва заметной тропе, уходящей в мокрый ельник. — Тут метров триста. Идите след в след. Тут местами зыбь, можно по колено уйти в жижу.

Арина молча двинулась за ним. Свет её налобного фонаря выхватывал из тьмы корни сосен, торчащие, как вены на руке старика, огромные мухоморы с облезлой красной шляпкой и лужи, покрытые радужной нефтяной плёнкой от старых шпал.

— А чего в три ночи-то? — спросила Арина, перепрыгивая через гнилую корягу. — Я ждала утренний поезд.

— Утренний здесь не останавливается уже год, — ответил Антон, не оборачиваясь. — Только ночной скорый иногда тормозит по заявке. Начальник станции за бутылку решает вопросы. Вам повезло — вы в городе будете к рассвету. А на рассвете у нас самое интересное начинается.

— Что именно? — Арина нагнала его, пытаясь идти в ногу.

— Топь просыпается, — Антон резко остановился и посмотрел ей прямо в глаза. В свете фонаря его зрачки казались бездонными. — Вы ведь за Болотным Царем приехали? Ну так вот. Он, говорят, охотится только по утрам. Когда туман над водой стоит. Увидите, как дышит болото, и поймёте,

куда угодили.

Он развернулся и зашагал дальше. Впереди, за чёрным чашоколом елей, послышался звук работающего на холостых оборотах движка.

Арина Ветрова, ведущая канала «ARINA MORS», поёжилась. Не от холода, хотя ветер пробирал до костей. От внезапного, липкого ощущения, что письмо в её почтовом ящике было не приглашением, а вызовом в суд. И суд этот вершат не люди.

Она поправила лямку рюкзака и шагнула в чёрную, пахнущую прелой листвой и железом утробу Карелии.

За спиной, на заброшенной платформе «16-й разъезд», лампочка в фонаре мигнула в последний раз и погасла, оставив мир во власти ночи и дождя.

Глава 2. Слепые окна

«Уазик» стоял на небольшой поляне метрах в ста от путей, уткнувшись тупым рылом в заросли мокрого ольшаника. Это была машина из тех, что пережили не один капитальный ремонт и не одну смену хозяев: брезентовый верх, прожжённый в нескольких местах, на месте заводской краски — бурая, въевшаяся в металл грунтовка, подкрылки, подвязанные алюминиевой проволокой, а на лобовом стекле трещина, заклеенная изолентой, расплзалась, как паутина. Антон открыл переднюю пассажирскую дверь — та провисла на петлях и издала звук, похожий на скрежет несмазанных качелей.

— Залезайте. Печка греет через раз, но для наших краёв и это сойдёт, — бросил он, обходя машину и садясь за руль.

В салоне пахло бензином, сырой овчиной и табаком. Сиденья, обтянутые дерматином, лопнули в нескольких местах, обнажая жёлтый, губчатый поролон. Арина плюхнулась на пассажирское, поставила рюкзак с камерой на колени и огляделась. Приборная панель была пуста, как глазницы черепа: спидометр не работал, стрелка уровня топлива лежала на нуле, а из щели между бардачком и корпусом торчал пучок проводов. На зеркале заднего вида болтался крошечный деревянный оберег — фигурка человечка без лица, грубо вырезанная из тёмного корня.

Антон повернул ключ зажигания. Стартер взвыл, захлебнулся, потом ещё раз, и на третий мотор чихнул, затарахтел неровно, словно у него была аритмия.

— Не «Роллс-Ройс», но по нашим колдобинам только на таком и ездить, — сказал Антон, выкручивая руль и выезжая на грунтовку, которая терялась в чёрной стене леса.

Фары выхватили из тьмы две глубокие колеи, наполненные водой. Машина пошла тяжело, переваливаясь с боку на бок, как старая баржа в шторм. Ветки елей хлестали по брезентовому верху, осыпая его каплями, которые тут же просачивались внутрь через микроскопические дыры. Арина подняла воротник куртки и прижала камеру плотнее.

— Далеко до города? — спросила она, стараясь перекрыть шум мотора и скрип рессор.

— Километров семь, но по этой дороге — все пятнадцать, — ответил Антон, не поворачивая головы. — Тут когда-то лесовозы ходили, а теперь только я и грибники по осени. Весной и осенью вообще не проехать — мостки сносит. Сейчас август, вода низкая, повезло вам.

Он замолчал, вглядываясь в темноту. Арина заметила, что он ведёт машину без напряжения, как человек, знающий каждый камень и каждую яму на этой дороге наизусть. Его руки в грубых вязаных перчатках с обрезанными пальцами лежали на руле спокойно, но в глазах, отражавшихся в ветровом стекле, читалась настороженность.

— А что за Вера Павловна? — снова заговорила Арина,

чтобы разбить давящую тишину леса. — Это она вас попросила встретить?

— Крапива, — поправил Антон. — У нас её так зовут. Травница местная. Бывшая завуч школы, потом на пенсию вышла и стала людей лечить. Она всё про всех знает. И про мэра, и про болото, и про то, кто кому должен. Если хотите разобраться в том, что здесь творится, идите к ней. Только она вам правды не скажет.

— Почему?

— Потому что она не в словах правду видит, а в корнях да в отварах. Говорит загадками, но никогда не врёт. Просто её правда — она не для московских ушей, а для тех, кто здесь родился и здесь же сгниёт.

Антон резко крутанул руль, объезжая поваленную сосну, перегородившую полдороги. Арину качнуло, она схватилась за поручень над дверью. В свете фар мелькнуло что-то белое — то ли ствол берёзы, то ли чья-то фигура. Арина вздрогнула, но Антон даже не замедлился.

— Не бойтесь, — сказал он, угадав её движение. — Это «белые бабы». Так местные называют сухие берёзы, которые от старости кору сбросили. Ночью они и правда на покойниц смахивают. Привыкнете.

Он вдруг ухмыльнулся, и в этой ухмылке было что-то неуютное — не злое, но и не доброе. Так улыбается человек, который знает, что гость обречён на неприятности, но не собирается его отговаривать.

Дорога пошла в гору. Лес расступился, и на фоне чуть посветлевшего неба (до рассвета оставался час) Арина увидела очертания города. Вернее, того, что от него осталось.

Топь-Озёрск лежал в низине, прижатый к берегу длинно-го, как язык, озера, которое местные называли Мшистым. Сверху, с холма, он выглядел как скопление серых коробок, над которыми торчали остовы двух пятиэтажек с чёрными провалами выбитых окон и водонапорная башня без верха. Над всем этим висел густой, молочно-белый туман, выползавший из низины и заливавший улицы. В тумане смутно угадывались редкие огни — жёлтые, мутные, словно гнилушки.

— Вот он, красавец, — прокомментировал Антон, притормаживая на вершине холма. — Добро пожаловать в Топь-Озёрск. Раньше здесь жило три тысячи человек, лес пилили, рыбу ловили, в клубе танцы устраивали. Теперь — сто девяносто шесть по бумагам, а по факту хорошо, если сто пятьдесят. Молодёжь уехала, старики мрут. Зимой тут такое запустение — собаки воют от тоски.

Арина опустила стекло, не обращая внимания на холодный, сырой воздух, ворвавшийся в салон. Она принялась. Запах был сложный: в нём смешивались ароматы мокрой хвои, дыма от печного отопления, ржавого железа и ещё чего-то, почти неуловимого — сладковатого, приторного, как запах гниющих водорослей на берегу застойного пруда. Это пахло болотом.

— А где ваша метеостанция? — спросила Арина, доставая из кармана телефон, чтобы проверить связь.

— На другом берегу озера, — Антон кивнул вправо, где в тумане угадывался длинный деревянный пирс. — Я там живу, наблюдаю за погодой. Но в город часто приезжаю. У меня тут дела.

Телефон показал одну палочку сети, и ту с пометкой «Е». Арина вздохнула и убрала его обратно. Стримы отсюда вести будет сложно. Но с другой стороны, именно такая «дикая» локация и привлекает зрителя — чем меньше цивилизации, тем больше просмотров.

Машина медленно покатила вниз, въезжая в город. Улицы были пусты. Дома, в основном одноэтажные, рубленые, с палисадниками, выглядели так, будто их давно не ремонтировали: краска на наличниках облупилась, крыши поросли зелёным мхом, кое-где вместо стёкол в окнах была натянута полиэтиленовая плёнка. Но самое странное — почти везде ставни были закрыты. Не просто прикрыты, а заколочены наглухо, крест-накрест сбиты досками, словно жители боялись, что кто-то или что-то попытается заглянуть внутрь.

— Чего они все закрылись? — спросила Арина, указывая на очередной дом с наглухо забитыми окнами.

— Боятся, — коротко ответил Антон.

— Чего?

— Глаз, — он бросил на неё быстрый взгляд. — Есть поверье, что Болотный Царь видит через окна. Если в доме есть

нечистый человек, то ночью в стекло постучат. А утром на пороге найдёшь свои ботинки, полные тины или денег. Вот люди и закрываются. От греха.

Арина хотела спросить ещё что-то, но машина свернула на центральную площадь, и она замерла, разглядывая открывшуюся картину.

Площадь представляла собой огромный пустырь, выложенный бетонными плитами, между которыми пробивалась трава. В центре, на постаменте, когда-то выкрашенном серебрянкой, а теперь облезшем до рыжего кирпича, стоял памятник Ленину. У вождя мирового пролетариата не хватало одной руки — её отбили, видимо, ещё в девяностых, и на сколах ржавчина выступала, как сукровица. Чуть поодаль возвышалось двухэтажное здание администрации — обшарпанное, с табличкой «Администрация Топь-Озёрского сельского поселения», висевшей на одной петле. Все окна мэрии были чёрными, за исключением одного на втором этаже, где горел тусклый свет.

— Мэр пропал, а администрация работает? — удивилась Арина.

— Там сейчас брат его заправляет, Глеб Бортко, — Антон сплюнул в приоткрытое окно. — Он неофициально. У него фирма «СеверЛесСтрой», он скупает земли вокруг города под коттеджные посёлки. Считай, хозяин всего, что ещё не сгнило. Но в кабинет мэра не лезет — боится. Говорят, кресло Ефима до сих пор тепло держит, хотя тот месяц как

пропал.

— А милиция?

— Участковый Степаныч. Он же опер, следователь и понятой в одном лице. Сидит сейчас, поди, в своём опорном пункте, водку пьёт и делает вид, что ищет. На самом деле он знает, что искать бесполезно. Если Болотный Царь взял своё, то не вернёт.

Антон остановил машину у одноэтажного дома с вывеской «Гостевой дом „Фазенда“». Вывеска была сделана, судя по всему, из куска фанеры и выжжена паяльником — буквы кривые, неровные, с подпалинами. Дом выглядел чуть живее остальных: палисадник был расчищен, на крыльце лежал половик, связанный из разноцветных тряпок, а из трубы шёл дым. Но ставни и здесь были закрыты.

— Приехали, — Антон заглушил мотор. — Хозяйка — Любовь Петровна, для своих просто Люба. Женщина громкая, но не злая. Скажете, что от Веры Павловны, — и вас поселят в лучшую комнату. Правда, лучшая — это та, где не капает с потолка.

Арина выбралась из машины, разминая затёкшие ноги. Утренний воздух был влажным и холодным, пробирал до костей. От озера, невидимого в тумане, тянуло сыростью и запахом гнили. Где-то вдалеке, в лесу, прокричала какая-то птица — резко, отрывисто, словно предупреждая.

Антон вытащил из багажника её сумку, поставил на крыльцо и, не прощаясь, запрыгнул обратно в машину.

— Вы разве не зайдёте? — спросила Арина, обернувшись.

— Мне надо на станцию вернуться, — бросил он через открытое окно. — Приборы проверить до рассвета. Увидимся днём. Если доживёте до обеда, покажу вам болото.

— Что значит «если доживу»?

Но «уазик» уже взревел и, выпустив клуб сизого дыма, покатил обратно к холму. Арина осталась одна на крыльце, в окружении закрытых ставень и густого тумана.

Она постучала в дверь. Сначала тихо, потом громче. За дверью слышались тяжёлые шаги, звон ключей и звук отодвигаемого засова.

Дверь распахнулась. На пороге стояла женщина необычных размеров в ситцевом халате с огромными красными маками и в войлочных тапках на босу ногу. Её лицо, круглое, румяное, с маленькими глазками-бусинками, выражало сложную смесь любопытства и настороженности.

— Чего надо в такую рань? — пробасила она, уперев руки в бока. — Поезд только ночью прошёл, а уже гости? Или ты с того света сбежала?

— Меня Антон привёз, — сказала Арина, стараясь говорить спокойно и вежливо. — Вера Павловна, кажется, предупреждала. Я журналистка из Москвы, хочу пожить у вас несколько дней.

Люба прищурилась, оглядела Арину с головы до ног — оценила куртку, ботинки, рюкзак. Потом перевела взгляд на сумку, стоявшую на крыльце.

— Журналистка? — переспросила она. — Про мэра писать будешь? Или про Царя Болотного?

— Про всё понемногу, — уклончиво ответила Арина. — Мне бы просто комнату.

Люба посторонилась, пропуская её внутрь.

— Заходи. Только предупреждаю сразу: у нас тут тихо, темно, интернета нет, розетки две на весь дом, вода из колонки во дворе, туалет на улице. Горячей воды нет вообще. Если такой сервис устраивает — милости просим. Пятьсот рублей в сутки, деньги вперёд.

Арина вошла в дом и сразу окунулась в запахи, характерные для старого деревенского жилья: сушёные травы, подвешенные к потолочным балкам, кисловатый дух квашеной капусты из погреба, печной дым и что-то сладкое — кажется, варилось варенье. Внутри дом был устроен просто: большая комната, служившая и кухней, и гостиной, с огромной русской печью в углу, занимавшей чуть ли не четверть пространства; стол, покрытый клеёнкой в цветочек; несколько разномастных стульев и старый диван, накрытый пледом. Вдоль стен стояли шкафы со стеклянными дверцами, за которыми виднелись банки с вареньем, соленьями и какими-то настойками. В углу, под образами, теплилась лампадка.

— Комната твоя — вон там, — Люба махнула рукой в сторону двери, обитой дерматином. — Раньше там дочка жила, пока в Петрозаводск не уехала учиться. Кровать есть, стол, стул. Бельё чистое, сегодня только постелила. Умывать-

ся — в сенях рукомойник. Воду греть будешь сама, если надо. Утром кашу сварю, яичницу сделаю, за отдельную плату.

Арина поблагодарила, отдала деньги за три дня вперёд и прошла в комнату.

Она оказалась маленькой, но уютной. Узкая железная кровать с панцирной сеткой, застеленная лоскутным одеялом, старый письменный стол у окна, стул с гнутой спинкой и этажерка с книгами. На стенах — выцветшие обои в цветочек, кое-где отклеившиеся по углам. Окно, как и везде, было закрыто ставнями изнутри — деревянные створки на крючках. Арина первым делом подошла к окну, откинула крючок и попыталась открыть ставни. Они не поддавались — то ли разбухли от сырости, то ли были прибиты снаружи.

— Не открывай, — раздался голос Любы за спиной. Хозяйка стояла в дверях, скрестив руки на груди. — У нас не принято окна нараспашку держать. Сквозняк болотный. Застудишь дом — потом не выгонишь сырость. Да и незачем тебе туда смотреть. Всё равно один туман да грязь.

Арина кивнула, но про себя решила, что при первой же возможности всё же откроет — ей нужен был естественный свет для съёмок.

Оставшись одна, она бросила рюкзак на кровать, сняла куртку, повесила её на спинку стула и села на край постели. Пружины жалобно скрипнули. Арина достала телефон — связи почти не было, но время показывало 05:17. За окном, за закрытыми ставнями, начинало светать.

Она просидела так минут десять, прислушиваясь к звукам дома: потрескивали дрова в печи, на кухне гремела посудой Люба, в сенях скреблась мышь. И вдруг сквозь эти привычные звуки пробился другой — далёкий, но отчётливый: колокольный звон. Не мелодичный, как в церкви, а глухой, монотонный, будто били в рельсу.

Арина встала, подошла к двери, ведущей в сени, и выглянула. Входная дверь была приоткрыта, и через неё доносился звук.

— Что это? — спросила она у Любы, которая как раз выходила из кухни с ведром.

— Это у нас вместо набата, — ответила хозяйка, не оставиваясь. — На пожарной каланче рельса висит. Если что случается — бьют. Видать, опять на болоте что-то нашли. Или кого-то.

Она вышла во двор, гремя ведром, а Арина вернулась в комнату. Сердце колотилось быстрее обычного. Она снова посмотрела на закрытые ставни и решила, что сегодня же найдёт способ их открыть. Или выйдет на улицу, чтобы увидеть всё своими глазами.

Потому что тишина этого города была хуже любого крика. Она расстегнула рюкзак, достала камеру, проверила заряд батареи и объектив. Всё было готово к работе. Арина Ветрова приехала сюда за историей. И, кажется, история уже началась.

Она подошла к окну, приложила ладонь к холодной по-

верхности стекла. За мутным, немывтым стеклом, за переkre-
cтeм деревянных ставень, медленно, словно нехотя, разго-
рался серый, неприветливый рассвет. Где-то там, в тумане,
пряталось болото. И тот, кого местные называли Царём.

Арина убрала руку и увидела на стекле отпечаток своей
ладони. А за ним, в глубине утреннего сумрака, ей почуди-
лось смутное движение — словно кто-то стоял с той стороны
окна и смотрел на неё. Она отшатнулась, но когда взгляделась
снова, там ничего не было. Только ветка черёмухи, мокрая
от росы, покачивалась на ветру.

«Показалось», — сказала она себе.

Но холод, пробежавший по спине, говорил об обратном.

В доме уютно пахло топящейся печью и травами. Ари-
на вернулась к кровати, села и закрыла глаза. Ей нужно бы-
ло поспать хотя бы пару часов, чтобы голова работала ясно.
Но сон не шёл. В ушах всё ещё стоял звук колокола — глу-
хой, монотонный, словно отсчитывающий время до какой-то
неизбежной развязки.

Где-то на окраине города, у болота, люди собирались во-
круг очередной находки. И Арина знала, что утром она от-
правится туда. Потому что именно за этим она и приехала в
Топь-Озёрск.

В сенях хлопнула дверь, и тяжёлые шаги Любы загреме-
ли по половицам. Хозяйка что-то бормотала себе под нос,
но слов было не разобрать. Потом раздался стук в дверь её
комнаты.

— Эй, московская, — позвала Люба. — Кашу варить или спишь уже?

— Варите, — отозвалась Арина. — Я сейчас выйду.

Она встала, потянулась, чувствуя, как ноет каждая мышца после ночной тряски в «уазике», и направилась на кухню. Там уже вовсю гудела печь, и Люба ставила на стол тарелки. Вкусно пахло гречневой кашей с тушёнкой.

— Садись, ешь, — скомандовала хозяйка. — Потом расскажешь, зачем ты сюда на самом деле приехала. Я хоть и баба простая, но дураков за версту чую. Ты не просто так из Москвы в нашу глушь припёрлась. Тебя Крапива позвала или кто ещё?

Арина взяла ложку, зачерпнула каши и, прежде чем ответить, посмотрела в окно кухни, которое, в отличие от её комнаты, было без ставен. За мутным стеклом плавал серый туман, и в этом тумане смутно угадывались очертания города — приземистые дома, голые деревья и далёкий силуэт водонапорной башни.

— Меня письмо привело, — сказала она наконец. — От женщины по имени Евгения. Она написала, что здесь пропал мэр и что в этом замешан Болотный Царь. Я приехала, чтобы разобраться.

Люба замерла с ложкой в руке. Её лицо, до того благодушное, стало серьёзным.

— Евгения? — переспросила она. — Ветлугина, что ли?

— Да, кажется. А вы её знаете?

Люба опустила ложку на стол, вытерла губы краем фартука и посмотрела на Арину долгим, изучающим взглядом.

— Знаю, — медленно произнесла она. — Только ты, милая, вот что учти. Женька Ветлугина сама не своя уже лет двадцать. У неё с головой неладно после того, что с отцом случилось. И если она тебе написала про Царя, значит, беда рядом ходит. Ты бы поосторожнее. У нас тут, знаешь, не зря окна закрывают.

Она замолчала, отвернувшись к печи и принялась с преувеличенным вниманием поправлять дрова. Арина поняла, что разговор окончен.

Она доела кашу, чувствуя, как по телу разливается тепло. Но внутри поселился холодок — тот самый, который возникает, когда начинаешь понимать, что попал в историю, из которой не так-то просто выбраться.

За окном, за серой пеленой тумана, город просыпался. Где-то залаяла собака, проскрипела калитка, простучали чьи-то шаги по мокрым доскам тротуара. И снова — далёкий, едва слышный удар в рельсу, словно эхо ночного кошмара.

Арина Ветрова поставила пустую тарелку в мойку, поблагодарила хозяйку и вернулась в свою комнату. Там она достала блокнот, ручку и записала:

«Топь-Озёрск. 05:47. Приехала. Город закрытых ставен. Люди боятся смотреть в окна. И боятся, когда смотрят на них. Колокол. Болото дышит. Найти Женю Ветлугину. Найти

Крапиву. Понять, кто такой Царь».

Она захлопнула блокнот и посмотрела на закрытые ставни. Ей предстояло выяснить, что скрывается за ними — и за молчанием этого странного, умирающего города.

Глава 3. Власть без лица

К половине восьмого утра туман над Топь-Озёрском начал редеть, но не исчез — он просто поднялся выше, превратившись в низкую, свинцовую облачность, которая давила на крыши домов и делала воздух плотным, осязаемым, словно промокшая вата. Арина вышла на крыльцо «Фазенды», застегнув куртку до самого горла и натянув на голову капюшон. В правой руке она держала камеру, пристёгнутую к запястью ремешком, в левой — маленький блокнот, куда уже успела записать первые впечатления.

Двор гостевого дома, обнесённый покосившимся штакетником, был завален сохнувшими половиками и чьими-то выцветшими кальсонами необъятных размеров. У калитки росла старая рябина, вся в чёрных, сморщенных ягодах, которые никто не собирал. Под ногами чавкала грязь, смешанная с прошлогодней хвоей и осколками шифера, отколовшимися от крыши сарая. Арина сделала несколько шагов к калитке и оглянулась на дом. Окно её комнаты по-прежнему было закрыто ставнями, отчего дом казался слепым, обращённым внутрь себя.

Улица, на которую она вышла, называлась Советской — Арина прочитала это на ржавой табличке, прибитой к столбу кривыми гвоздями. Когда-то это была главная артерия городка: широкая, метров семь, с остатками асфальта, кото-

рый теперь походил на лоскутное одеяло, прошитое корнями травы и трещинами, заполненными мутной водой. По обеим сторонам стояли дома — рубленые, почерневшие от времени и сырости, с наличниками, украшенными резьбой, которая когда-то была белой, а теперь облупилась до серого дерева. Почти на всех окнах — закрытые ставни. Кое-где в виде исключения встречались незакрытые, но за ними угадывались плотные занавески, не пропускавшие взгляд внутрь.

Арина медленно пошла в сторону центра, стараясь не поскользнуться на мокрых досках тротуара, местами провалившихся и заменённых на горбыль. Город просыпался неохотно, словно старик, которому каждый подъём с постели даётся с болью в суставах. Из труб тянулись жидкие струйки дыма, где-то брякнула дверь, и на крыльцо вышел мужик в телогрейке, с вёдрами в руках. Увидев Арину с камерой, он замер, сплюнул под ноги и поспешил обратно в дом, плотно прикрыв за собой дверь.

Первые пять минут прогулки не дали ей ничего, кроме ощущения, что она — чужеродный микроорганизм, попавший в замкнутую, стерильную среду. Люди, попадавшие навстречу, либо сворачивали в переулки, завидев её издали, либо смотрели исподлобья, молча, без приветствия. Арина вспомнила слова Антона: «Вас тут не ждали». Кажется, это было мягко сказано.

Она дошла до пересечения Советской с улицей Лесной и увидела первый признак общественной жизни — продукто-

вый магазин. Вернее, то, что от него осталось. Это было приземистое кирпичное здание с вывеской «Продукты 24», где цифра «4» висела на одной петле, перевернувшись вверх ногами. Рядом, на деревянном ящике, сидели две старухи в ватниках и серых пуховых платках, натянутых на самые брови. Перед ними стояла детская коляска, в которой лежали не младенцы, а несколько банок солёных огурцов и пучки укропа, перевязанные суровой ниткой.

Арина подошла ближе, на ходу включая камеру, но опуская её вниз, чтобы не отпугнуть.

— Здравствуйте, — сказала она, стараясь придать голосу максимально дружелюбное выражение. — Я журналистка из Москвы. Можно с вами поговорить?

Старухи переглянулись. Та, что сидела слева, сухонькая, с лицом, похожим на печёное яблоко, и глазами-буравчиками, поджала губы и отвернулась, сделав вид, что поправляет банки в коляске. Вторая, покрупнее, с тяжёлым, обрюзгшим лицом и усиками над верхней губой, посмотрела на Арину с откровенным недоверием.

— А чего говорить-то? — проскрипела она голосом, похожим на звук несмазанной двери. — У нас тут новостей нет. Живём тихо. Помираем потихоньку.

— Я про мэра вашего хотела спросить, — Арина сделала шаг ближе. — Про Ефима Бортко. Говорят, он пропал.

При слове «Бортко» первая старуха резко повернулась, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на страх.

— Пропал и пропал, — отрезала она. — Туда ему и дорога. Нечего на чужой земле свои порядки наводить.

— Анна, молчи! — шикнула на неё вторая, но первая, видимо, уже завелась.

— А чего молчать-то? — она всплеснула руками. — Правду говорить не запретишь. Этот Бортко всю округу скупил. У меня сын в леспромхозе работал, пока Ефим его не закрыл. Обещал новый открыть, а вместо этого землю под коттеджи продал. Люди без работы остались, а он на «Лексусе» ездил. Вот тебе и мэр.

— Он и лагерь пионерский спалил, — неожиданно добавила вторая старуха, понизив голос и наклонившись к Арине. — «Чайку». Там дети отдыхали, пока он страховку не получил. А потом на этом месте хотел гостиницу строить для богатых. Только не успел.

— Царь не дал, — тихо, почти шёпотом, произнесла первая и перекрестилась.

Арина почувствовала, как холодок пробежал по позвоночнику. Она подняла камеру и нажала кнопку записи, стараясь держать её как можно незаметнее.

— Царь? — переспросила она. — Вы про Болотного Царя?

Старухи снова переглянулись, и на этот раз в их взглядах читался неподдельный ужас.

— Не поминай его, — быстро сказала вторая. — Особенно у воды. Он слышит.

Она резво, не по годам, вскочила с ящика, схватилась за ручку коляски и, не прощаясь, зашагала прочь, уволокивая за собой банки и пучки укропа. Первая старуха засемила следом, бормоча что-то себе под нос и крестясь.

Арина осталась одна перед закрытым магазином. Она выключила камеру и перевела дух. Разговор, пусть и короткий, дал ей больше, чем она ожидала. Итак, мэра не любили. Более того — его ненавидели и боялись, но после его исчезновения страх не ушёл, а лишь сменил адрес. Теперь боялись того, кто его забрал.

Она зашагала дальше, к площади. Улица расширилась, дома стали выше — двухэтажные, кирпичные, с остатками лепнины на фасадах. В одном из них когда-то размещался Дом культуры, о чём свидетельствовала полустёртая надпись над входом и облупленная гипсовая фигура рабочего с молотом, стоявшая в нише. Теперь окна ДК были заколочены, а на дверях висел амбарный замок размером с кулак.

Площадь при дневном свете выглядела ещё более уныло, чем ночью. Тусклое утреннее солнце, пробивавшееся сквозь облака редкими косыми лучами, лишь подчёркивало запустение. Памятник Ленину без руки отбрасывал короткую, корявую тень. Бетонные плиты под ногами были испещрены трещинами, в которых росла трава и даже маленькие, чахлые берёзки. У здания администрации стоял одинокий автомобиль — чёрный внедорожник «Тойота Ленд Крузер» с тонированными стёклами, выглядевший здесь как инопланетный

корабль среди руин.

Арина направилась к администрации, но не успела подойти к крыльцу, как дверь распахнулась, и на улицу вышел мужчина. Он был высок, широк в плечах, одет в дорожную, явно не по местным меркам, куртку-пуховик тёмно-синего цвета и новые ботинки на толстой подошве. Лицо его — грубое, с тяжёлой челюстью и глубоко посаженными глазами — выражало крайнюю степень раздражения. В одной руке он держал папку с бумагами, в другой — мобильный телефон, по которому громко, не стесняясь, разговаривал.

— Я сказал: найти! — рявкнул он в трубку. — Мне плевать, что там Степаныч думает. Ботинки эти дурацкие мне до фонаря. Мне нужны документы на участок. Брат их с собой таскал, я знаю. Если бумаги всплывут у кого-то другого, нам всем хана. Ты понял?

Он бросил трубку, не дожидаясь ответа, и только тут заметил Арину. Его глаза, маленькие, буравящие, остановились на ней с неприязненным интересом.

— Ты кто? — спросил он без предисловий. — Чего здесь стоишь? Площадь перекрыта, не видишь? Иди, куда шла.

Арина мгновенно оценила ситуацию. Перед ней стоял Глеб Бортко — брат пропавшего мэра, бизнесмен, заправляющий городом. Именно его машина стояла у здания. Именно он был сейчас самым опасным человеком в радиусе ста километров.

— Я журналистка, — спокойно ответила Арина, не дви-

гаясь с места. — Из Москвы. Приехала снять репортаж о городе и о ситуации с пропажей мэра.

Глеб на мгновение замер, потом медленно, словно взвешивая каждое слово, произнёс:

— Журналистка? Из Москвы? — он хмыкнул, но в глазах не было и тени улыбки. — И кто тебя вызвал? Кому ты здесь понадобилась?

— Это профессиональный интерес, — Арина пожала плечами. — Я веду канал о заброшенных местах и городских легендах. Ваш город — идеальная локация. А пропавший мэр — идеальная история.

Глеб шагнул к ней ближе. Теперь он стоял в метре, и Арина почувствовала исходящий от него запах дорогого парфюма, смешанный с запахом табака и едва уловимой ноткой страха. Да, именно страха. Под бравадой и агрессией угадывалась паника.

— Слушай сюда, блогерша, — проговорил он тихо, но отчётливо. — Вали отсюда первым же поездом. Сегодня вечером будет состав. Садись и уезжай. Здесь нечего снимать. Мой брат уехал по делам в Финляндию. Скоро вернётся. А все эти сказки про болотных царей — бредни пьяных старух. Ты поняла?

— Если он уехал в Финляндию, то почему его ботинки нашли на болоте? — Арина задала вопрос ровным, почти ленивым тоном, но внутри вся напряглась.

Глеб побагровел. Желваки заходили под кожей.

— Ботинки мог подбросить кто угодно, — процедил он.
— Конкуренты, завистники, да те же сумасшедшие фанатики, которые молятся на это проклятое болото. Я разберусь. А ты, если дорожишь своей камерой и своим хорошеньким личиком, — исчезни.

Он резко развернулся и пошёл к внедорожнику. Дверца хлопнула, мотор взревел, и машина, разбрызгивая грязь из-под колёс, умчалась в сторону выезда из города.

Арина осталась стоять на площади. Ветер трепал её волосы, выбившиеся из-под капюшона. Она посмотрела на закрытые ставни домов, окружавших площадь, и ей показалось, что из-за каждой щели за ней наблюдают десятки глаз.

— Значит, Финляндия, — пробормотала она себе под нос, доставая блокнот и записывая. — И ботинки подбросили. Интересная версия.

Она уже собиралась уходить, как заметила движение в окне второго этажа администрации — том самом, где ночью горел свет. За грязным стеклом мелькнула тень. Кто-то стоял и смотрел на неё. Арина подняла камеру и навела объектив, но тень тут же исчезла, словно её и не было.

В этот момент за её спиной раздался звук шагов — тяжёлых, шаркающих. Арина обернулась. К ней приближался мужчина лет шестидесяти, одетый в форменную куртку сотрудника полиции, которая сидела на нём мешковато и была изрядно поношена. На голове — фуражка с кокардой, сдвинутая на затылок. Лицо красное, обветренное, с сеткой лоп-

нувших сосудов на носу, говорило о нездоровой любви к спиртному. Это был участковый Степаныч, и шёл он, слегка покачиваясь, но при этом держась с достоинством человека, облечённого властью.

— Стоять, гражданка, — произнёс он, останавливаясь в трёх шагах. — Предъявите документы.

Арина вздохнула, достала из внутреннего кармана паспорт и протянула ему. Степаныч взял его негнушимися пальцами, долго рассматривал, шевеля губами, потом вернул.

— Арина Сергеевна Ветрова, — прочитал он вслух. — Из Москвы. И что же вы, Арина Сергеевна, забыли в нашем богом забытом углу?

— Я журналист, — в третий раз за утро повторила Арина. — Снимаю репортаж.

— Про что? — прищурился Степаныч.

— Про город, про людей, про легенды. И про пропавшего мэра.

Участковый крякнул, почесал небритый подбородок и вдруг неожиданно доверительным тоном произнёс:

— Вы бы, барышня, послушали Глеба. Он, конечно, сволочь редкостная, но дело говорит. Уезжайте. Нет здесь никакой истории. Есть пьянство, воровство и суеверия. Мэр запил, уехал в запой, вот и вся тайна. А ботинки... — он махнул рукой. — Мало ли. Может, мальчишки балуются.

— А вы видели эти ботинки? — быстро спросила Арина. Степаныч замер. Взгляд его на мгновение стал трезвым и

острым.

— Видел, — нехотя ответил он. — Стояли на кочке у Мшистого болота. Аккуратно так, носочками к лесу. Внутри — старые деньги, ещё советские, и какая-то бумажка.

— Что за бумажка? — Арина подалась вперёд.

— Не разобрал, — слишком быстро ответил Степаныч и отвёл глаза. — Мокрая была, рассыпалась в руках.

Врёт, поняла Арина. Врёт и боится. Вчера Антон говорил, что в ботинке была записка от отца Жени Ветлугиной. И Степаныч это знает, но скрывает.

— Я бы хотела взглянуть на место, где их нашли, — сказала она. — Вы не могли бы показать?

Участковый отступил на шаг.

— Не положено, — отрезал он. — Место происшествия. Идёт следствие. И вообще, вам там делать нечего. Болото — оно не для прогулок. Засосёт — костей не найдут.

Он развернулся и, не прощаясь, зашагал прочь, всё так же покачиваясь, но теперь в его походке чувствовалась спешка.

Арина осталась одна на пустой площади. Ветер усилился, пригнал с озера новую волну тумана, который начал заполнять улицы, делая очертания домов зыбкими, призрачными. Она подняла камеру и сняла общий план площади: памятник без руки, закрытые ставни, слепое здание администрации. Всё это было похоже на декорацию к фильму ужасов, но Арина знала — это реальность, в которой живут настоящие люди со своими страхами и тайнами.

Она опустила камеру и задумалась. У неё было три источника информации, три возможных проводника в этом лабиринте: Антон, который знал лес и болото, но говорил загадками; Крапива, которая знала людей и их грехи, но говорила ещё более загадочно; и Женя Ветлугина, которая позвала её сюда и которая, по словам Любы, была «сама не своя». С кого начать?

Арина решила начать с Жени. Письмо было ключом. Если Женя знала, кто такой Болотный Царь, и решилась написать незнакомому человеку в Москву, значит, она либо отчаялась, либо знает нечто такое, что может стоить ей жизни. Найти её адрес — первая задача.

Она зашагала обратно к «Фазенде», надеясь, что Люба, при всей своей ворчливости, согласится подсказать дорогу. По пути она снова прошла мимо закрытого магазина и старух с коляской. Теперь их там не было, только ящик сиротливо стоял у стены.

У самого гостевого дома Арина заметила то, чего не видела утром. На доске забора, прямо напротив её окна, кто-то вырезал ножом короткое слово: «УЕЗЖАЙ». Буквы были глубокими, свежими, на срезе древесина ещё не потемнела.

Она остановилась, разглядывая надпись. Ветер трепал её куртку, бросал в лицо мелкую водяную пыль. Арина подняла камеру и сфотографировала предупреждение.

— Поздно, — сказала она вслух, обращаясь не то к невидимому автору послания, не то к самой себе. — Я уже здесь.

И я остаюсь.

Она толкнула калитку и вошла во двор. Из трубы дома валил густой дым, пахло жареным луком и чем-то сладким. Люба, судя по звукам, гремела посудой на кухне. Арина поднялась на крыльцо, оглянулась на серую улицу, тонущую в тумане, и шагнула внутрь.

Впереди был долгий день, полный расспросов, страхов и, возможно, первых настоящих открытий. Где-то в глубине болота, под корнями столетних сосен, хранилась тайна пропавшего мэра. И Арина Ветрова собиралась её достать, даже если для этого придётся погрузиться в самую трясиину.

Глава 4. Гость в темноте

В доме пахло жжёным сахаром и луком — запах этот, густой и навязчивый, пропитал каждую щель, каждую половицу. Люба колдовала у плиты, стоявшей в углу кухни, — старой, ещё советской, с эмалированной поверхностью, покрытой сеткой трещин, и конфорками, которые разжигались спичкой и издавали зловещее шипение, прежде чем вспыхнуть синим, неровным пламенем. Она мешала что-то в большой чугунной сковороде длинной деревянной лопаткой, и её массивная фигура в ситцевом халате, подсвеченная огнём, казалась монументальной, словно статуя языческой богини домашнего очага.

Арина вошла, стянула мокрые ботинки у порога, поставила их на тряпку и прошла к столу. Камеру она положила рядом, на чистый край клеёнки.

— Ну, наснимала? — спросила Люба, не оборачиваясь. — Видела нашего красавца Глеба?

— Видела, — Арина села на табурет, вытянув затёкшие ноги. — Он мне посоветовал уехать. И Степаныч тоже.

— Правильно посоветовали, — Люба ловко перевернула лопаткой поджаристые куски картошки с луком. — Только ты ж не уедешь. Я по глазам вижу — упрямая, как мой покойный муж. Тот тоже всё в тайгу ходил, золото искал, пока медведь не задрал.

Она замолчала, потом тяжело вздохнула и, не дожидаясь ответа, продолжила:

— Женьку Ветлугину ищешь? Я видела, ты на старух наседала. Они тебе наболтают — потом не расхлебаешь. Женька живёт на окраине, у самого болота. Дом её матери, синий, с мезонином. Только она тебе дверь не откроет. Она вообще никому не открывает. Сидит там, как сыч, и слушает, как вода под полом чавкает.

— Почему? — Арина подалась вперёд.

— А ты как думаешь? — Люба наконец повернулась, вытирая руки о фартук. — Когда её отца не стало, она тронулась умом. Он работал начальником лагеря «Чайка». Хороший был мужик, справедливый. А Бортко его подставил. Обвинил в растрате, уволил с позором. А потом лагерь сгорел. Отец Женьки после этого запил, а через год утонул в болоте. Говорят, сам ушёл. Но Женька считает, что его убили. И с тех пор она с болотом разговаривает. И оно ей отвечает.

Люба произнесла это буднично, словно речь шла о погоде, и отвернулась к плите. Арина почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Вы сказали, она «с болотом разговаривает»? — переспросила она.

— Ну да, — Люба пожала плечами. — Выйдет на крыльцо, сядет и шепчет. А камыши в ответ шелестят. Местные говорят, она с Царём на короткой ноге. Потому её и не трогают. Даже Глеб боится.

Арина записала в блокнот: «Женя Ветлугина. Синий дом с мезонином у болота. Говорит с камышами». Потом убрала блокнот и спросила:

— А вы сами верите в Болотного Царя?

Люба поставила сковороду на стол, достала две тарелки, разложила дымящуюся картошку, поставила банку с солёными огурцами.

— Я верю в то, что видела, — сказала она, садясь напротив. — А видела я много. Как люди пропадали. Как вещи их находили на болоте. Как те, кто землю воровал, вдруг начинали сохнуть и умирали в муках. Есть тут сила, Арина. Старая, недобрая. И лучше её не гневить.

Она взяла вилку и принялась за еду. Арина последовала её примеру. Картошка была вкусной, с хрустящей корочкой, пропитанной луковым духом. Огурцы хрустели, отдавая чесноком и укропом. Завтрак вышел сытным, но мысли Арины были далеко — там, на окраине, у синего дома с мезонином.

После еды она помогла Любе убрать со стола, потом ушла в свою комнату. Там царил полумрак — ставни по-прежнему были закрыты, и только узкая полоска света пробивалась сквозь щель между створками. Арина подошла к окну, ещё раз попыталась открыть ставни. Те не поддавались — то ли разбухли, то ли действительно были прибиты снаружи. Она провела пальцами по стеклу, на котором оседал конденсат, и посмотрела в щель. Улица тонула в тумане, но на заборе всё ещё виднелась надпись «УЕЗЖАЙ».

Она отвернулась от окна, села на кровать и включила камеру, чтобы просмотреть отснятый материал. На маленьком экранчике мелькали кадры: площадь, памятник без руки, старухи у магазина, испуганно крестящиеся, Глеб Бортко, бросающий в её сторону злобные взгляды. Всё это было хорошо, но не хватало главного — болота. Того самого Мшистого болота, где нашли ботинки мэра.

Арина выключила камеру, достала телефон. Связи почти не было — одна палочка, и та мигала. Она всё же набрала номер Антона, который он дал ей утром, перед тем как уехать. Гудки шли долго, потом короткий щелчок и голос, искажённый помехами:

— Да?

— Антон, это Арина. Я хочу попасть на болото. Сегодня. Вы обещали показать.

В трубке повисла пауза, потом:

— Сегодня не получится. Дождь будет к вечеру, тропу развезёт. Завтра с утра, если не передумаете.

— Я не передумую. И ещё — мне нужно найти Женю Ветлугину. Вы знаете, где её дом?

Снова пауза, на этот раз дольше.

— Знаю. Но к ней без приглашения лучше не ходить. Она пуганая. Если хотите, я сам вас отведу. Завтра, после болота.

— Почему не сегодня?

— Потому что сегодня вам нужно отдохнуть и послушать ночь. В Топь-Озёрске ночь — это не просто время суток. Это

когда город показывает своё настоящее лицо. Послушайте, что будет за окном. И тогда решите, хотите ли вы идти к Жене и на болото.

Антон отключился. Арина сжала телефон в руке, чувствуя раздражение и одновременно тревогу. Что он имел в виду? «Послушайте ночь»?

Она откинулась на подушку и закрыла глаза. Усталость, накопившаяся за бессонную ночь в поезде и нервное утро, навалилась свинцовой тяжестью. В доме было тихо, только печь потрескивала да где-то в сенях скреблась мышь. Арина сама не заметила, как провалилась в сон — глубокий, без сновидений, словно в чёрную, маслянистую воду, где ни звука, ни света, ни времени.

Проснулась она от холода. Комната погрузилась в почти полную темноту — только узкая полоска света из-под двери, ведущей на кухню, говорила о том, что в доме ещё не спали. Арина села на кровати, поёжилась. Часы на телефоне показывали 22:17. Она проспала почти весь день.

В доме стояла тишина. Даже печь перестала трещать. Арина встала, нащупала ногами ботинки, накинула на плечи куртку и вышла на кухню.

Люба сидела за столом, при свете керосиновой лампы, и штопала носок. Лампа отбрасывала на стены пляшущие тени, делая кухню похожей на пещеру, где в углах притаились невидимые звери.

— Проснулась, московская, — констатировала она, не

поднимая головы. — Я уж думала, до утра дрыхнуть будешь. Есть хочешь?

— Нет, спасибо, — Арина села напротив. — А почему так тихо? И почему так темно?

— Электричество вырубил, — Люба пожала плечами. — У нас это часто. Провода старые, гнилые. Вот и сидим при лампе, как в девятнадцатом веке. Привыкай.

Она отложила носок, потянулась и зевнула.

— Я спать пойду. Ты тоже ложись. Ночью по дому не шастай. Если в туалет приспичит — ведро в сенях. На улицу без нужды не выходи. Там сыро, да и вообще...

Она не договорила, махнула рукой и, взяв лампу, ушла в свою комнату, оставив Арину в темноте, освещённой только слабым отсветом луны, пробивавшимся сквозь щели в ставнях кухонного окна.

Арина посидела ещё немного, прислушиваясь. Дом скрипел, дышал, жил своей жизнью. Где-то на чердаке ухала неясить — или просто ветер гулял в щелях. Она вернулась в свою комнату, зажгла свечу, которую нашла на этажерке (Люба предусмотрительно оставила коробок спичек), и поставила её на подоконник.

Пламя свечи колебалось от сквозняка, проникавшего сквозь щели в раме. Арина села на кровать, обхватив колени руками, и стала смотреть на огонь. Мысли путались, как нити в старом клубке. Болотный Царь, пропавший мэр, запуганные жители, странный Антон, загадочная Женя — всё

это складывалось в мозаику, в которой не хватало главного кусочка. Того, что всё свяжет воедино.

Внезапно она услышала звук. Он пришёл снаружи — тихий, влажный, словно кто-то босой ногой ступил в лужу прямо под её окном. Арина замерла, стараясь не дышать. Звук повторился: шлёп-шлёп-шлёп. Кто-то или что-то медленно передвигалось вдоль стены дома, ощупывая каждый угол.

Она осторожно, стараясь не скрипеть половицами, подошла к окну и приложила ухо к холодному стеклу. Звук стал отчётливее. Теперь к нему добавилось ещё что-то — тихое, сиплое дыхание, словно большое животное принюхивалось к щелям, втягивая воздух, пахнущий сыростью и страхом.

Сердце Арины заколотилось так громко, что, казалось, его стук слышен за стенами. Она вспомнила слова Антона: «Послушайте ночь». Так вот что он имел в виду. Ночь не просто слушала — она говорила. На своём языке, который она не понимала, но который начинала различать.

Она отступила от окна, подошла к двери, ведущей в сени, и осторожно приоткрыла её. В сенях было темно, пахло сыростью и старыми вениками. Входная дверь была заперта на тяжёлый засов. Арина прислушалась. Снаружи, со стороны двора, доносилось всё то же шлёп-шлёп-шлёп, но теперь дальше — словно нечто обходило дом по кругу, проверяя, нет ли где лазейки.

Она вернулась в комнату, закрыла дверь и замерла у окна. Свеча на подоконнике дрожала, отбрасывая на стены пляшущ-

щие тени. И вдруг Арина увидела, как снаружи, сквозь щель в ставнях, что-то мелькнуло — тёмное, влажное, похожее на человеческую фигуру, но ниже, сторбленное, словно старик или... или нечто, что никогда не ходило прямо.

Она задула свечу, чтобы не выдать себя, и вжалась в стену рядом с окном. В комнате стало совсем темно, только лунный свет пробивался сквозь щели, ложась на пол бледными, дрожащими полосами. Звук затих. Тишина повисла густая, звенящая, нарушаемая только её собственным дыханием и стуком сердца.

Прошло пять минут, десять. Арина уже решила, что ей померещилось, как вдруг услышала новый звук — скрип. Он доносился со стороны забора. Она осторожно выглянула в щель. Лунный свет выхватывал из тьмы кусок двора, рябину, штaketник. У забора, на том самом месте, где была вырезана надпись «УЕЗЖАЙ», стояла фигура. Человеческая, но странно изогнутая, словно у неё были неправильные пропорции. Фигура стояла неподвижно, лицом к дому.

Арина смотрела, боясь пошевелиться. Ей казалось, что фигура смотрит прямо на неё, сквозь стены, сквозь темноту, сквозь каждую щель в её сознании. Так прошло, наверное, с полминуты. Потом фигура медленно, неловко развернулась и, не издавая ни звука, скрылась в тумане, растворившись в серой мгле, словно её и не было.

Арина выдохнула. Руки дрожали. Она села на кровать, обхватив плечи, и долго сидела так, прислушиваясь к ночи.

Больше звуков не было. Только ветер шумел в кронах сосен да где-то далеко, на болоте, кричала выпь — тоскливо, протяжно, как плач ребёнка, потерявшегося в лесу.

Сон не шёл. Арина просидела до самого рассвета, вздрагивая от каждого скрипа половиц в старом доме. И только когда за ставнями начало сереть, она, обессиленная, забылась коротким, тревожным сном.

Разбудил её стук в дверь. Громкий, настойчивый.

— Эй, московская! — голос Любы звучал взволнованно. — Вставай! Тут такое...

Арина вскочила, натянула куртку, распахнула дверь. Люба стояла на пороге, бледная, с округлившимися глазами.

— Ты только глянь, — она протянула руку, в которой держала что-то маленькое, тёмное.

Арина пригляделась. На ладони Любы лежала дохлая лягушка — крупная, травяная, с раздутым брюхом и остекленевшими глазами, которые смотрели в никуда. Вокруг её задней лапы была обмотана тонкая верёвка, завязанная сложным узлом. С верёвки свисал крошечный кусочек бересты с выжженными на нём знаками — не то буквами, не то рунами.

— На подоконнике нашла, — прошептала Люба. — С той стороны, где твоя комната. Это знак, Арина. Царь тебя заметил. Он предупреждает: уходи, пока цела.

Арина взяла лягушку из рук хозяйки. Та была холодной, скользкой, и от неё пахло болотной тиной и чем-то сладко-

ватым, как от гниющей травы. Она повертела находку, разглядывая узел и знаки на бересте.

— Что это за знаки? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри всё дрожало.

— Не знаю, — Люба покачала головой. — Но Крапива знает. Сходи к ней. Или... или уезжай, Арина. Прямо сегодня. Вечером поезд. Я тебе даже денег верну.

Арина вернула лягушку Любе и, не отвечая, прошла на кухню, где налила себе холодной воды из ведра, выпила залпом. Потом подошла к окну, выходявшему во двор. Ставни здесь были открыты, и она ясно видела подоконник своей комнаты снаружи. На нём, на выстуженном дереве, темнело мокрое пятно — след от лягушки. След, оставленный ночным гостем.

— Я не уеду, — сказала она, оборачиваясь к Любе. — Но к Крапиве схожу. Вы не проводите?

Люба всплеснула руками, но спорить не стала.

— Провожу, — вздохнула она. — Только оденься теплее. У Крапивы в доме всегда холодно, она печь не топит — говорит, травы от жары портятся.

Через полчаса, наскоро перекусив остатками вчерашней картошки, они вышли со двора. Утро было серым, промозглым, с низкими облаками, цеплявшимися за верхушки сосен. Туман немного рассеялся, но видимость всё равно была плохой — метров на пятьдесят, не больше. Дома по обеим сторонам улицы стояли с закрытыми ставнями, словно город

ещё не проснулся, а может, и не ложился вовсе.

Люба шла быстро, несмотря на свою грузность, и Арина едва попевала за ней. Они свернули с Советской в узкий переулок, зажатый между двумя покосившимися заборами, прошли мимо ржавого остова автобуса, вросшего в землю, и вышли к небольшому дому, стоявшему на отшибе, у самого леса.

Дом Крапивы был не похож на другие. Он был старый, рубленый, но ухоженный: крыша покрыта свежим тёсом, наличники выкрашены в зелёный цвет, на окнах — резные ставни, но не закрытые, а распахнутые настежь. Изнутри, сквозь стёкла, виднелись горшки с какими-то растениями и пучки сушёных трав, подвешенные к потолку. Над крыльцом висел оберег — пучок полыни, перевязанный красной нитью с бусинами.

Люба остановилась у калитки.

— Дальше сама, — сказала она. — Я к Крапиве не хожу без крайней нужды. Она меня недолюбливает. Говорит, я слишком шумная. Ты иди, она ждёт.

— Ждёт? — удивилась Арина. — Откуда она знает?

— Она всегда знает, — Люба развернулась и зашагала обратно, бросив через плечо: — И лягушку ей покажи. Сразу покажи.

Арина толкнула калитку и вошла во двор. Под ногами хрустел гравий, мокрый от ночного дождя. Она поднялась на крыльцо, постучала. Дверь открылась почти сразу, словно за

ней стояли и ждали.

На пороге стояла Вера Павловна, она же Крапива. Это была высокая, сухая старуха с лицом, изрезанным глубокими морщинами, и глазами — светлыми, почти прозрачными, как вода в лесном ручье. На ней было тёмное платье в пол, поверх — вязаная кофта с деревянными пуговицами. Седые волосы убраны под платок, завязанный на затылке узлом. В руке она держала глиняную кружку, от которой поднимался пар, пахнувший мятой и чем-то терпким.

— Заходи, Арина, — сказала она вместо приветствия. Голос у неё был низкий, с хрипотцой, но не неприятный. — Давно тебя жду. Ещё с тех пор, как письмо Женькино ушло в Москву.

Арина переступила порог и оказалась в большой комнате, служившей, видимо, и кухней, и гостиной, и аптекой одновременно. Вдоль стен стояли стеллажи, уставленные банками, бутылками, пучками трав и кореньями. В углу — русская печь, холодная, но чисто выбеленная. Посередине — большой дубовый стол, на котором лежали ступка с пестиком, пучок какой-то зелени и раскрытая книга в потрёпанном переплёте. Пахло здесь сложно: сушёной мятой, чабрецом, зверобоем, воском, старой бумагой и едва уловимо — болотной сыростью.

Крапива указала на лавку у стола.

— Садись. Рассказывай. И лягушку показывай.

Арина села, достала из кармана курткидохлую лягушку,

завёрнутую в носовой платок, и положила на стол. Крапива взяла её, повертела в руках, разглядывая узел и бересту, потом хмыкнула.

— Знак, — сказала она. — Царь тебя заметил. Это хорошо.

— Хорошо? — Арина не поверила своим ушам. — Мне угрожают, а вы говорите «хорошо»?

— Угрожают, когда убивают сразу, — спокойно ответила Крапива, кладя лягушку на стол. — А когда предупреждают — значит, дают шанс. Царь хочет, чтобы ты ушла, но он тебя не боится. Если бы боялся — не предупреждал бы, а сразу в болото утащил. Значит, ты ему зачем-то нужна. Или болоту нужна.

Она села напротив, сложила руки на столе и посмотрела на Арину долгим, изучающим взглядом.

— Ты приехала узнать про Бортко, — сказала она утвердительно. — И про Царя. И про Женю. Я тебе расскажу. Но сначала ответь мне: зачем тебе это? Только честно. Не про канал, не про просмотры. Зачем тебе это?

Арина задумалась. Действительно, зачем? Она могла бы соврать, сказать что-то про журналистский долг, про правду. Но под взглядом этих светлых, прозрачных глаз врать не хотелось.

— Я не знаю, — честно ответила она. — Наверное, я устала от фальши. От постановочных страхов, от заброшек, в которых ничего нет, кроме мусора и граффити. А здесь... здесь

всё настоящее. Страх настоящий. Люди настоящие. И зло настоящее. Я хочу понять его. И, может быть, показать другим.

Крапива кивнула, словно услышала то, что ожидала.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда слушай. И запоминай. Потому что второй раз я этого рассказывать не буду.

Она встала, подошла к печи, сняла с приступка глиняный горшок, налила из него в кружку тёмного, пахнувшего травами отвара и протянула Арине.

— Пей. Это от простуды и от страха. Поможет.

Арина взяла кружку, сделала глоток. Отвар был горьковатым, с привкусом коры и ягод, но по телу разлилось тепло, и страх, сидевший в груди последние часы, начал потихоньку отступать.

Крапива вернулась на место и начала говорить. Голос её звучал монотонно, как шум дождя, но каждое слово падало весомо, оставляя след.

— Болотный Царь — не дух и не бес, как думают попы. Он старше. Он — память земли. Наше болото, Мшистое, оно не просто трясина. Оно — книга. В нём записано всё, что было в этих местах за тысячи лет. И у него есть сторож. Хранитель. Люди называют его Царём. Он не добрый и не злой. Он — равновесие. Если кто-то берёт больше, чем ему положено, — болото забирает долг. Если кто-то разрушает — болото разрушает его самого. Бортко взял много. Он отнял у детей лагерь, отнял у леса землю, отнял у людей веру. И болото его призвало. Не убило — призвало к ответу. Где он сейчас

— я не знаю. Может, жив, может, мёртв. Но то, что от него осталось, уже не человек.

Она замолчала, давая Арине переварить услышанное. В комнате было тихо, только ветер шумел за окном да где-то в лесу трещала сорока.

— А лягушка? — спросила Арина. — Зачем он мне её подбросил?

— Это знак пути, — Крапива взяла лягушку, показала на узел. — Видишь? Узел «дорога». Он говорит: у тебя есть путь назад. Но есть и путь вперёд. Выбирай. Если уедешь сегодня — всё закончится. Ты забудешь Топь-Озёрск, как страшный сон. Если останешься — пойдёшь до конца. И тогда береста с рунами оживёт.

— Что значит «оживёт»?

— Узнаешь, когда придёт время, — Крапива улыбнулась, но улыбка вышла печальной. — А теперь иди. Завтра Антон отведёт тебя на болото. И к Жене. Она тебя ждёт. И помни: ночью не выходи на звук шагов. Что бы ни слышала — сиди в доме. Вторая ночь будет тяжелее первой.

Арина допила отвар, поставила кружку на стол и встала.

— Спасибо, — сказала она. — Я остаюсь.

Крапива кивнула и, не прощаясь, отвернулась к окну, за которым серый туман плыл над серым лесом, как призрак ушедшего времени.

Арина вышла во двор, поёжилась от сырого ветра и зашагала обратно к «Фазенде». В голове гудело от услышанного,

а в кармане куртки лежала дохлая лягушка с узлом на лапе — молчаливое напоминание о том, что дорога назад ещё открыта, но каждый шаг вперёд уводит всё дальше в трясину.

Она не знала, что ждёт её завтра на болоте. Но знала точно: этой ночью она снова будет слушать тишину, вздрагивать от каждого шороха и ждать рассвета. Потому что ночь в Топь-Озёрске действительно показывала настоящее лицо города. И это лицо было обращено к ней.

Глава 5. Плата по счету

Второе утро в Топь-Озёрске началось не с рассвета, а со звука. Звука, который прорезал серую, плотную толщу тумана, словно ржавый гвоздь, вбиваемый в крышку старого гроба. Арина проснулась оттого, что где-то далеко, на окраине, били в рельсу. Не так, как вчера — одиноко и тревожно, а часто, настойчиво, с той особой, лихорадочной частотой, какая бывает только у набата, поднимающего людей с постелей.

Она села на кровати, стряхивая остатки тяжёлого, липкого сна. В комнате было сумрачно и холодно — пахло сыростью и остывшей печью. Свеча, которую она зажгла ночью, давно погасла, оставив на блюде лужицу застывшего воска. Арина потянулась к телефону — экран засветился, показывая 06:03 и всё ту же одинокую, мигающую палочку сети. Она провела пальцем по экрану, проверяя уведомления, — ничего. Связь умерла ещё вчера вечером.

За ставнями, сквозь узкую щель, сочился жидкий, молочный свет. Утро было пасмурным, без солнца, без теней — мир казался плоским, выцветшим, словно старая фотография. Арина спустила ноги на холодный пол, нащупала ботинки, натянула свитер поверх термобелья и вышла на кухню.

Люба уже не спала. Она стояла у окна, прижавшись лбом к стеклу, и смотрела на улицу. Её массивная фигура в бесфор-

менном байковом халате казалась напряжённой, как сжатая пружина. Услышав шаги, она обернулась, и Арина увидела на её лице выражение, которого не ожидала от этой грубоватой, приземлённой женщины, — страх пополам с каким-то мрачным, почти благоговейным любопытством.

— Проснулась? — спросила Люба вместо приветствия. — Ну, иди смотри. Опять на болоте что-то нашли. Вся улица туда бежит.

Она посторонилась, освобождая место у окна. Арина подошла и выглянула на улицу. То, что она увидела, заставило её забыть о недосыпе и холоде.

По Советской улице, разбрызгивая жидкую грязь, шли люди. Не просто прохожие — целая процессия. Старухи в платках, накинутых поверх ночных рубаш, мужики в телогрейках, наброшенных на голое тело, дети, которых тащили за руки, не успевшие толком одеться. Все двигались в одном направлении — туда, где улица упиралась в лес, за которым лежало Мшистое болото. Лица людей были сосредоточенными, встревоженными, но не удивлёнными. Так выглядят люди, которые давно ждали чего-то подобного и наконец дождались.

— Что случилось? — спросила Арина, уже натягивая куртку и хватая рюкзак с камерой.

— Вдова Клюева на рассвете пошла за клюквой на край болота, — ответила Люба, тоже накидывая на плечи старый ватник. — И нашла. Ботинки. Мэра Бортко. Стоят на кочке,

как на витрине. Говорят, внутри деньгами набиты. И деньги старые, ещё советские, из тех, что до реформы ходили. Народ с ума сходит. Кто крестится, кто плачет, кто грозитя самосуд устроить. Пойдём, сама увидишь.

Она решительно направилась к двери, и Арина последовала за ней, на ходу проверяя заряд камеры и настраивая объектив.

На улице было зябко. Туман не рассеялся, а словно присел на корточки, затаившись в низинах, канавах, между домами. Дышалось тяжело — воздух пропитался влагой, запахом мокрой коры и гниющих водорослей. Арина шла за Любой, стараясь не поскользнуться на раскисшей глине, и поглядывала по сторонам. Город, ещё вчера казавшийся вымершим, сегодня ожил, но это оживление было нерадостным, лихорадочным, как у больного в горячке. Люди переговаривались вполголоса, крестились, качали головами. До Арины долетали обрывки фраз:

— ...говорила я тебе, Поля, доведёт Бортко до беды...

— ...Царь своё взял, теперь бы нам не ответить...

— ...а деньги-то зачем? Зачем деньги в ботинках?

— ...это долг, говорят. Вернул, что украл. С процентами...

Они миновали последние дома, и улица упёрлась в неширокую просеку, ведущую к болоту. Здесь толпа стала гуще. Люди стояли полукругом, вытягивая шеи, но не решаясь подойти близко к кромке трясины. Арина протиснулась впе-

рѣд, стараясь не привлекать внимания, и наконец увидела то, ради чего собрался весь город.

Мшистое болото начиналось сразу за полосой чахлого ольшаника. Это было не открытое пространство с водой и камышами, а скорее губчатая, дышащая поверхность, покрытая толстым слоем сфагнового мха, из которого тут и там торчали кривые, мёртвые сосны и пучки пушицы. Мох был ярко-зелёным, почти изумрудным, с рыжими и багровыми пятнами — словно болото цвело, несмотря на конец августа. В центре этой губчатой равнины, метрах в двадцати от твёрдой земли, возвышалась кочка, высокая, почти в человеческий рост, поросшая багульником и редкими кустиками клюквы.

И на этой кочке, аккуратно, носочками к лесу, стояли ботинки.

Чёрные. Кожаные. Дорогие, явно не купленные в сельпо. Такие ботинки мог носить только человек с деньгами и претензией — мэр, бизнесмен, хозяин жизни. Они стояли так ровно, словно их владелец только что снял их и ушёл босиком в трясины. Вокруг них, на мху, не было никаких следов — ни человеческих, ни звериных. Только вода, проступавшая сквозь мох при нажатии, и редкие капли вчерашнего дождя на чёрной коже.

Арина подняла камеру и навела объектив. В видоискателе ботинки выглядели ещё более зловеще — они казались не просто обувью, а символом, посланием, написанным на язы-

ке, который понимали все, но не могли объяснить словами.

Рядом с кочкой, по колено в грязи, стоял участковый Степаныч. Он был без фуражки, его редкие волосы прилипли ко лбу, лицо покраснелось от напряжения и, возможно, от вчерашнего. В руках он держал длинный шест, которым пытался дотянуться до ботинок, не сходя с относительно твёрдого места.

— Да не достану я, не достану! — ворчал он, обращаясь то ли к себе, то ли к толпе. — Тут зыбь. Шаг в сторону — и уйдёшь с головой. Надо доски класть или ждать, пока подмёрзнет.

— Какое «подмёрзнет», Степаныч? — выкрикнул кто-то из толпы. — Август на дворе! Ты давай, лезь, власть ты или кто?

— Я тебе сейчас так «лезь» устрою, — огрызнулся участковый. — Сам лезь, если такой смелый. А я свою жизнь за чьи-то ботинки класть не намерен.

Толпа загудела. Кто-то предлагал срубить длинную жердь и сделать крюк, кто-то — вызвать МЧС из района (на что Степаныч только фыркнул: «Пока они доедут, тут всё сгниёт»), кто-то шептался о том, что трогать находку вообще нельзя — «Царь разгневается».

Арина опустила камеру и огляделась. В толпе она заметила знакомые лица. У самого края, опираясь на палку, стояла Крапива — прямая, неподвижная, словно изваяние. Её светлые глаза были устремлены не на ботинки, а куда-то вглубь

болота, в туман. Рядом с ней, чуть поодаль, маячила фигура Антона. Он стоял, прислонившись к стволу сухой сосны, и курил, пуская дым в сырой воздух. Увидев Арину, он едва заметно кивнул, но не подошёл.

— А где вдова Клюева? — спросила Арина у Любы, которая стояла рядом и крестилась мелкими, быстрыми движениями.

— Вон она, — Люба указала на невысокую, сгорбленную женщину в сером платке и резиновых сапогах, сидевшую на поваленном стволе в стороне от толпы. Рядом с ней стояла плетёная корзина, наполовину наполненная клюквой. Женщина раскачивалась взад-вперёд и что-то бормотала — то ли молитву, то ли причитания.

Арина подошла к ней, стараясь ступать мягко, чтобы не напугать.

— Здравствуйте, — сказала она негромко. — Вы Клавдия Клюева?

Женщина подняла голову. Лицо у неё было морщинистое, с глубоко посаженными глазами, в которых застыл ужас пополам с каким-то странным, почти экстатическим возбуждением.

— Я, — ответила она сиплым голосом. — А ты та самая, из Москвы? Про тебя уже все говорят. Приехала на нашу голову.

— Расскажите, как вы их нашли, — Арина присела рядом на корточки, включила диктофон на телефоне (камеру

решила пока не доставать, чтобы не спугнуть).

Клюева заговорила, и её голос то взлетал до высоких, плачущих нот, то падал до шёпота:

— Пошла я за клюквой, как всегда. Затемно ещё, чтобы первую ягоду взять. Иду по краю, у тропки, что к Чёрной заводи ведёт. Смотрю — кочка новая. Вчера её не было. И на ней что-то чёрное. Я сначала думала — вороньё сидит. Подошла ближе, а это ботинки. Стоят, как живые. Я так и села. Сердце захолонуло. Хотела бежать, а ноги не идут. Смотрю — а в них что-то белеет. Деньги. Старые, бумажные, с Лениным. И записка сверху лежит, камнем придавлена.

— Записка? — Арина почувствовала, как внутри всё сжалось. — Что в записке?

Клюева замолчала, отвела глаза и зашептала:

— Я не читала. Побоялась. Но Степаныч прочитал. Он, когда прибежал, первым делом записку схватил и в карман сунул. Сказал — улика. Только я видела, как у него руки тряслись. Он прочитал и побелел весь. А потом сказал, что ничего там не было, просто бумажка. Врёт он, милая. Ой, врёт.

Арина выпрямилась и посмотрела на Степаныча. Участковый как раз отошёл от края болота и теперь стоял, вытирая грязные руки о штаны, и о чём-то тихо переговаривался с Глебом Бортко, который появился у болота незаметно, словно вырос из-под земли. Брат мэра был в той же дорогой куртке, но лицо его осунулось, под глазами залегли тёмные

круги. Он слушал Степаныча, кивал, но взгляд его был прикован к ботинкам на кочке.

Арина решительно направилась к ним.

— Степаныч, — окликнула она, подходя. — Мне нужно поговорить с вами.

Участковый вздрогнул, обернулся. Увидев Арину, он нахмурился.

— Опять ты? Чего тебе? Не видишь — люди в горе, а ты со своей камерой лезешь.

— Вдова Ключева сказала, что в ботинках была записка, — Арина смотрела ему прямо в глаза. — И что вы её забрали. Что в записке?

Степаныч побагровел. Глеб Бортко, стоявший рядом, перевёл тяжёлый взгляд с Арины на участкового.

— Какая ещё записка? — спросил он медленно, с угрозой в голосе. — Ты что-то скрываешь, Степаныч?

— Да брешет старая! — взорвался участковый. — Нет никакой записки! Бумажка была, да, но пустая, просто обрывок. Рассыпалась в руках. Нечего тут выдумывать!

— А деньги? — не унималась Арина. — Что за деньги в ботинках? Вы их видели?

— Видел, — нехотя признал Степаныч. — Старые купюры, шестьдесят первого года. Красные червонцы, трёшки, пятёрки. Много. Но они гнилые, в труху. Тронешь — рассыплются.

— И что это значит? — спросила Арина.

— А то и значит, что кто-то решил поиздеваться, — вмешался Глеб. — Подбросили ботинки брата, набили их рухлядью и выставили на всеобщее обозрение. Цирк устроили. А вы все ведётесь, как дети малые. Нет никакого Царя. Есть враги, которые хотят наш бизнес разрушить.

Он говорил громко, уверенно, но Арина видела, как побелели костяшки его пальцев, сжимавших мобильный телефон. Глеб боялся. И боялся он не конкурентов, а того, что стояло на кочке — этих чёрных ботинок, набитых истлевшими деньгами.

Толпа тем временем заволновалась. Вперёд вышел высокий, жилистый мужик с окладистой бородой и топором в руках. Арина узнала его — это был Егор, местный лесник, о котором вчера упоминала Люба.

— Хватит лясы точить! — рявкнул он. — Надо ботинки достать и посмотреть, что там внутри. Может, там не только деньги. Может, там весть от Бортко или... или от того, кто его забрал.

— Не смей! — вдруг раздался резкий, как удар хлыста, голос. Все обернулись. Крапива вышла вперёд, и толпа расступилась перед ней, словно море перед Моисеем. Она подошла к самому краю болота и остановилась, глядя на Егора.

— Не трогай то, что Царь положил, — сказала она негромко, но так, что слышали все. — Это не нам решать. Ботинки должны стоять, пока сами не уйдут в трясины. Если их взять — беда будет. Большая беда.

— Какая ещё беда? — хмыкнул Егор, но топор опустил.
— Ты, Крапива, всегда со своими сказками. Может, это просто розыгрыш? Может, Бортко сам их туда поставил и уехал в свою Финляндию?

— А деньги? — спросил кто-то из толпы. — Откуда деньги советские?

— Да мало ли, — неуверенно ответил Егор. — Может, клад какой разрыли.

— Клад, — Крапива усмехнулась. — Ты, Егор, в Бога не веришь, в Царя не веришь, а зря. Потому что Царь в тебя верит. И в долги твои верит. Помнишь, как ты прошлой весной казённый лес на дрова пускал? Думаешь, болото забыло?

Лесник побледнел, отступил на шаг. Толпа зашепталась.

— Молчи, ведьма, — прошипел он, но в голосе его не было уверенности.

Арина смотрела на всё это, чувствуя, как реальность происходящего медленно, но верно вытесняет привычный скепсис. Она включила камеру и начала снимать. В видеоискателе толпа выглядела как сцена из средневековой мистерии: испуганные лица, крестные знамения, шёпот, перемежающийся выкриками. И в центре — чёрные ботинки на зелёной кочке, немые свидетели чьей-то расправы или чьего-то суда.

Внезапно из-за спин вышел Антон. Он неторопливо, словно на прогулке, подошёл к краю болота, присел на корточки и долго смотрел на ботинки. Потом встал и, ни к кому конкретно не обращаясь, сказал:

— Я достану.

Толпа ахнула. Степаныч замахал руками:

— Ты с ума сошёл? Утонешь! Там же топь!

— Не утону, — спокойно ответил Антон. — Я тут каждую кочку знаю. Доски нужны. Две широкие доски, чтобы давление распределить. И верёвка. За час управлюсь.

Он говорил буднично, как о работе по дому, но в его глазах Арина заметила тот же странный блеск, что и у Крапивы, — смесь фатализма и тайного знания.

— Я с тобой, — неожиданно для себя сказала она.

Антон обернулся, посмотрел на неё долгим, оценивающим взглядом.

— Зачем? — спросил он.

— Мне нужно снять это вблизи. И... я хочу увидеть записку. Если она там есть.

Антон помолчал, потом кивнул:

— Хорошо. Только слушаться меня беспрекословно. Один неверный шаг — и уйдёте в «окно». А там глубина — метров десять, не меньше. И вода такая холодная, что сердце останавливается за минуту.

Через полчаса, которые ушли на поиски досок и верёвки (доски принесли от старого сарая, верёвку дала Люба — прочную, пеньковую, пахнущую дёгтем), Антон и Арина стояли у края болота. Толпа отодвинулась, давая им пространство, но не расходилась. Все хотели видеть, чем кончится дело.

Антон снял куртку, оставшись в свитере и высоких болотных сапогах. Он положил первую доску на мох, наступил на неё, проверяя, как держит. Доска слегка прогнулась, но не утонула. Тогда он положил вторую, шагнул на неё, а первую переложил вперёд. Так, шаг за шагом, он начал медленно продвигаться к кочке.

— Идите за мной, — бросил он Арине. — Ступайте только на доски. И не смотрите вниз. Смотрите на ботинки.

Арина надела рюкзак с камерой на грудь, чтобы не мешал, и осторожно ступила на первую доску. Мох под ней заколыхался, как живой. Она почувствовала, как доска медленно погружается, но держит. Сердце колотилось где-то в горле. Она сделала шаг, другой, третий. Болото дышало под ногами — оно было не мёртвым, оно было спящим, но чутким, реагирующим на каждое движение.

Вблизи кочка оказалась выше, чем казалось с берега — почти в рост Арины. Антон добрался до неё первым, осторожно опёрся рукой о плотный сплав багульника и мха, проверяя устойчивость. Потом подтянулся и заглянул в ботинки.

— Ну что там? — крикнул кто-то из толпы.

Антон не ответил. Он протянул руку и медленно, словно боясь обжечься, вынул из левого ботинка пачку истлевших купюр. Бумага была бурой, ломкой, с едва различимыми портретами Ленина. Он поднял купюры, показывая толпе. Люди ахнули.

— Деньги, — произнёс он громко. — Советские. Много. И здесь, — он заглянул во второй ботинок, — тоже. Но есть кое-что ещё.

Он запустил руку глубже и извлёк сложенный вчетверо листок бумаги — плотной, пожелтевшей, но не такой ветхой, как деньги. Развернул. Пробежал глазами. Его лицо, обычно непроницаемое, дрогнуло.

— Что там? — спросила Арина, стоявшая на досках в метре от него.

Антон молча протянул ей записку. Арина взяла её осторожно, двумя пальцами. Бумага была сухой, шершавой, пахла не болотом, а старым архивом — пылью и временем. На ней аккуратным, почти каллиграфическим почерком, синими чернилами, которые от времени стали лиловыми, было написано:

«Верни детям то, что отнял. Или болото возьмёт своё само. Срок вышел вчера. Ты не вернул. Теперь плати по счёту. Отец Жени Ветлугиной».

Арина перечитала дважды. Буквы плыли перед глазами. Отец Жени Ветлугиной. Человек, который, по словам Любы, утонул в болоте много лет назад. Человек, которого Бортко подставил и лишил всего. Его записка. Написанная, судя по чернилам и бумаге, не вчера. Написанная давно. И пролежавшая все эти годы неизвестно где, чтобы теперь всплыть в ботинке его обидчика.

— Что там написано? — донеслось с берега. — Читай!

Арина подняла голову, посмотрела на толпу. Люди ждали, затаив дыхание. Она открыла рот, чтобы прочитать вслух, но Антон резко выхватил у неё записку.

— Не надо, — сказал он тихо. — Не здесь. Не сейчас. Пойдём обратно.

Он сунул записку в карман, спрыгнул с кочки на доски и, подхватив Арину под локоть, повёл её обратно к берегу. Толпа заволновалась, загудела.

— Что там? Почему не показываете? — кричали люди.

На берегу их встретил Степаныч. Он был красен, как рак, и тяжело дышал.

— Отдай записку, — потребовал он у Антона. — Это улика. Вещдок.

— Это не улика, — спокойно ответил Антон. — Это приговор. И он уже приведён в исполнение.

Он обвёл взглядом толпу, остановился на Глебе Бортко, который стоял, вцепившись в телефон побелевшими пальцами.

— Твой брат был должен, — сказал Антон громко, так, чтобы слышали все. — Должен детям, чей лагерь сжёг. Должен лесу, который вырубил. Должен людям, которых обманул. Болото — это просто зеркало. Оно показало то, что вы все знали, но боялись сказать вслух. Ефим Бортко не пропал. Он расплатился. Чем — знает только тряпина.

Толпа замерла. Тишина повисла такая густая, что слышно было, как капает вода с веток. А потом, словно по команде,

люди начали расходиться. Молча, не глядя друг на друга, они уходили в город, унося с собой страх, который стал ещё на один слой толще.

Арина стояла у края болота, смотрела на чёрные ботинки, сиротливо темнеющие на кочке, и чувствовала, как внутри неё что-то сдвинулось. Она приехала сюда за историей для канала. Но то, что она увидела сегодня, было не историей. Это было свидетельство. О том, что в мире существуют долги, которые не списываются. И существуют кредиторы, которые не забывают.

Она подняла камеру и сделала последний кадр: ботинки на кочке, серое небо над ними и отражение этого неба в чёрной воде, проступающей сквозь мох.

Вечером, сидя в своей комнате при свете свечи, она пересматривала отснятое. На экране камеры ботинки выглядели как надгробный памятник. Арина поставила видео на паузу, увеличила изображение. И тут заметила то, чего не видела днём. На подошве правого ботинка, на самом краю, виднелась крошечная фигурка, вырезанная в коже, — не то человек, не то зверь, не то знак. Такой же, как на бересте, привязанной к лапе дохлой лягушки.

Она выключила камеру и долго сидела в темноте, глядя на закрытые ставни. За окном снова кто-то ходил. Шлёп-шлёп-шлёп. Но теперь Арина не боялась. Она знала: это не угроза. Это напоминание. О том, что она здесь не случайно. И что её долг — рассказать эту историю до конца. Даже если

конец окажется там, куда не ступала нога человека. Там, где кончается земля и начинается царство воды, мха и памяти.

Глава 6. Голос из ниоткуда

Возвращение в гостевой дом далось Арине тяжелее, чем путь на болото. Не физически — физически она почти не устала, адреналин всё ещё гулял в крови, заставляя сердце биться чаще, а мысли скакать, как растревоженные белки. Тяжесть была иной — ментальной, вязкой, словно она несла на плечах не рюкзак с камерой, а весь тот груз чужих страхов, суеверий и недосказанностей, который слоями осел на кромке Мшистого болота за эти несколько часов.

Она шла по Советской улице одна. Люба осталась у болота — помогать Степанычу оцеплять место происшествия. Хотя какое там оцепление — натянули старую, рыжую верёвку между двух берёз, вот и всё. Антон исчез сразу после того, как отдал записку Степанычу, — растворился в толпе, словно его и не было. Арина даже не успела спросить его, куда он положил тот листок, выхваченный из её рук, и что именно он прочитал в нём такого, что заставило его побледнеть и замолчать.

Город снова вымер. Улицы были пусты, ставни закрыты, из труб не шёл дым — люди попрятались по домам, перебарывая утреннее зрелище. Только ветер гулял по переулкам, поднимал с земли мокрые листья, шуршал обрывками старой бумаги, словно перебирал чьи-то позабытые письма. Арина шла, глядя под ноги, чтобы не поскользнуться на рас-

кисшей глине, и чувствовала, как в кармане куртки лежит та самая дохлая лягушка с узлом на лапе. Она не выбросила её, сама не зная почему. Может быть, как напоминание. А может, как трофей.

В «Фазенде» было тихо и сумрачно. Арина сняла грязные ботинки у порога, прошла в свою комнату, бросила рюкзак на кровать и села на край, обхватив голову руками. Ей нужно было работать. Материал, отснятый сегодня, был бесценен: ботинки на кочке, толпа, Крапива, Антон, записка. Всё это просилось на экран, требовало осмысления, превращения в историю. Но в доме не было электричества, а заряд батареи камеры стремительно таял. Ноутбук она предусмотрительно не брала — слишком тяжело, да и какой смысл, если интернета всё равно нет? Теперь она жалела об этом.

Она достала камеру, включила, проверила оставшийся заряд — 37%. Хватит на час съёмки, может, чуть больше, если отключить стабилизацию. Но как потом зарядить? Розетки в доме не работали, генератора не было. Оставалось надеяться на пауэрбанк, который лежал в рюкзаке и мог дать камере ещё пару часов жизни. Но это — потом. Сначала — главное.

Арина подошла к окну, попыталась открыть ставни — безуспешно. Тогда она вышла на кухню, где окно было без ставен, и выглянула на улицу. Двор был пуст, только рябина роняла на землю чёрные, сморщенные ягоды. За забором, метрах в двадцати, начинался лес — тёмный, мокрый, с низко нависшими ветвями елей. Идеальный фон. Мрачный, ат-

мосферный, без лишних деталей. Только лес, туман и она.

Арина вернулась в комнату, надела куртку, застегнула до горла, натянула капюшон. Потом взяла камеру, проверила объектив (хорошо, что взяла светосильный — в сумерках выручит), пристегнула петлю к запястью и вышла во двор.

Холодный воздух сразу пробрался под куртку, заставил поёжиться. Арина обошла дом, нашла место, где забор был пониже, и перелезла через него, стараясь не зацепиться штанами за ржавую проволоку. За забором начиналась узкая тропа, уходящая в ельник. Она прошла по ней метров пятьдесят, пока не нашла подходящую полянку — небольшую, окружённую старыми, замшелыми елями, с поваленным стволом, на который можно было поставить камеру. Земля здесь была устлана толстым слоем хвои, мягкой и пружинящей под ногами. Туман висел между стволами, как занавес, делая перспективу бесконечной и зыбкой.

Арина установила камеру на поваленный ствол, направила объектив на себя, проверила кадр. В видоискателе она выглядела именно так, как хотела: одинокая фигура в тёмной куртке на фоне угрюмого, уходящего в никуда леса. Она нажала кнопку записи, и красный огонёк загорелся.

— Привет, мои северные странники, — начала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно и загадочно, как в лучших её выпусках. — Сегодня я в месте, которого нет на картах. В прямом смысле. Топь-Озёрск. Город, где люди закрывают ставни не от солнца, а от того, что приходит из болота.

Она сделала паузу, давая зрителю прочувствовать атмосферу. Потом продолжила, медленно прохаживаясь перед камерой:

— Вчера я приехала сюда по приглашению одной местной жительницы, которая обещала показать мне настоящий ужас. И она не соврала. Сегодня утром на Мшистом болоте, в двадцати метрах от берега, на кочке были найдены ботинки пропавшего месяц назад мэра этого города — Ефима Бортко. Они стояли аккуратно, носочками к лесу, и были набиты старыми советскими деньгами. А внутри лежала записка. Я держала её в руках.

Арина достала из кармана телефон, на который сфотографировала записку, пока Антон держал её в руках (она успела сделать снимок в тот короткий миг, когда он развернул листок). Поднесла экран к объективу камеры, чтобы зрители могли прочитать текст. Конечно, качество будет не очень, но разобрать слова можно.

— «Верни детям то, что отнял. Или болото возьмёт своё само. Срок вышел вчера. Ты не вернул. Теперь плати по счёту. Отец Жени Ветлугиной». Это послание, написанное много лет назад человеком, которого Бортко когда-то разорил и довёл до гибели. Послание, которое каким-то образом оказалось в ботинке мэра сегодня. Совпадение? Месть? Или нечто иное?

Она выключила камеру, перевела дух. Первый дубль вышел неплохим, но не хватало главного — её собственной

концепции, того, ради чего зрители «ARINA MORIS» и любили её канал. Она называла это «разбором легенды». Арина снова включила запись и заговорила, на этот раз более свободно, импровизируя:

— Местные жители верят, что на болоте обитает нечто, кого они называют Болотным Царём. Не дух, не бес, а, как мне объяснила местная травница Крапива, — «память земли». Своего рода природный арбитр, который следит за балансом. Если кто-то берёт больше положенного — землю, деньги, чужую жизнь — болото забирает долг. И вот что интересно: в Топь-Озёрске за последние полвека бесследно исчезли двенадцать человек. Все они, по слухам, были замешаны в тёмных делах — взятки, махинации с землёй, воровство. И каждый раз на болоте находили их обувь, набитую деньгами или личными вещами жертв. Я начинаю думать, что это не просто суеверие. Это — система. Назовём её «болотный краудсорсинг». Механизм, с помощью которого коллективная память и чувство справедливости, подавленные в реальной жизни, находят выход в виде легенды. Легенды, которая вдруг начинает действовать.

Она снова выключила камеру. Термин «болотный краудсорсинг» пришёл ей в голову спонтанно, но звучало хорошо — современно, с претензией на аналитику, и в то же время загадочно. Подписчики такое любят. Она сделала ещё несколько дублей: крупный план ботинок, панораму леса, свои руки, держащие дохлую лягушку с узлом. Потом се-

ла на поваленный ствол, перемотала отснятое на маленьком экранчике камеры. Вроде нормально. Мрачно, сыро, тревожно. Как она любила.

Когда она вернулась в дом, Люба уже была на кухне. Хозяйка сидела за столом, чистила картошку и вполголоса ругала то ли погоду, то ли жизнь, то ли всё сразу. Увидев Арину с камерой, она хмыкнула:

— Ну что, наснимала свои ужастики? Теперь будешь по интернету показывать, как мы тут гниём?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.